

Секция 31

«История зарубежной литературы и пути совершенствования ее преподавания в университетской подготовке специалистов»

Содержание

Боброва Н.В. Лексическая оппозиция «GOOD — BAD» как центральная оппозиция в повести Дж. Беньяна «Жизнь и смерть мистера Бэдмена».....	3
Матяш С.А. Об организации преподавания русской и зарубежной литературы на факультете филологии ОГУ.....	8
Нагорнова Е. В. Особенности выбора лексических единиц и художественных приемов при описании природы и местности в литературных произведениях начала 18 века (на примере «путевых писем» М. Монэрю).....	11
Овчинникова Л. П. Роль латинских заимствований в истории английского языка.....	15
Передельская М.В. Языковая репрезентация фрейма «пунктуальность» в романе Т. Мэлори «Смерть Артура».....	21
Рачеева Е.В. Актуальные проблемы американской литературы постмодернизма (по роману Д. Делилло «Мао-П»).....	28

Боброва Н.В. Лексическая оппозиция «GOOD — BAD» как центральная оппозиция в повести Дж. Беньяна «Жизнь и смерть мистера Бэдмена»

Орский гуманитарно-технологический институт, г. Орск

Творчество Джона Беньяна, английского писателя XVII столетия, только сейчас получает должное осмысление, и, говоря об особенностях стиля, об идейно-художественном своеобразии отдельных произведений, можно отметить, что через каждую повесть проходит противопоставление добродетели и греха, что находит свое выражение на разных языковых уровнях, в частности, лексическом.

Оппозиция «good - bad» определяет сюжетные особенности и содержание повести «Жизнь и смерть мистера Бэдмена», фамилия которого транслитерируется и переводится как «плохой человек». Указанная оппозиция показывает, что главное в жизни – разделение на противоположности, и задача любого писателя их зафиксировать. Через все произведение проходит противопоставление человека, осознающего ответственность перед Богом, и человека, отвергающего религию.

Автор выбирает в качестве героя представителя среднего сословия и делает его колоритной фигурой, выделяя некоторые качества таким образом, что они позволяют читателю узнать Бэдмена в массе других литературных героев. Он становится символом зла и подлости, скрытых под личиной добропорядочности. Важным штрихом в образе героя является его говорящее имя – Бэдмен (от английского словосочетания bad man – «плохой человек»), чему вторит фраза «bad times» – «плохие времена», которая характеризует современную автору действительность.

Вынося в название повести слово, образованное способом словосложения двух английских слов, принадлежащих к разным частям речи: прилагательного и существительного, писатель, вероятно, вкладывал в него значение «плохой», которое является прямым и основным. Однако существует и другие значения слова «bad», при этом каждое из них имеет синонимы и антонимы. Перечислим значения слова, укажем их синонимы.

Толковый словарь английского языка под редакцией А. Хорнби трактует слово «bad» следующим образом: 1) wicked, evil, immoral; 2) unpleasant, disagreeable, unwelcome; 3) inferior, worthless, incorrect, of poor quality; hurtful or injurious for, unsuitable for; in ill health, diseased. На русский язык слово «bad» переводится как: 1) дурной, плохой, скверный; никудышный, жалкий, никчемный (в этом значении возможно использование целого ряда синонимов: worthless, wretched, miserable; disagreeable, distasteful, unpleasant, mischievous); 2) испорченный, недоброкачественный; 3) безнравственный, развращенный (синонимы: wicked, vicious, immoral); 4) вредный, вредоносный, пагубный (синонимы: injurious, hurtful, dangerous); 5) сильный, грубый; 6) неправильный, ошибочный; 7) неу-

дачный, неуместный, неблагоприятный; 8) причиняющий беспокойство, трудный.

Детальный анализ произведения позволяет заключить, что в имени Бэдмен присутствуют значения: дурной, плохой скверный, безнравственный, развращенный, вредоносный, грубый, причиняющий беспокойство. При этом названные слова определяют основные черты характера героя, его поведение и поступки. Предвосхитить подобное восприятие героя читателем автору удастся с самого начала, поместив многозначное «bad» в название произведения. Далее в предисловии появляются синонимы слова. Высокочастотным является синоним *wicked* и производные от него наречие «*wickedly*» и существительное «*wickedness*», образованное суффиксальным способом: «For whether they live, and roll their wickedness, they are the pest and plague of that country» (И пока они живут и несут в себе зло, они язва и чума, поразившие страну), или: «England shakes and totters already, by reason of the burden that mister Badman and his friends have wickedly laid upon it» (Англия трясется и шатается под тяжестью ноши, которую мистер Бэдмен и подобные ему нечестивцы положили на ее плечи). Другие синонимы в предисловии не встречаются.

Проведя сплошную выборку слов с корнем *wicked*, мы обнаружили, что в предисловии объемом 10 страниц их насчитывается двенадцать. Это существительные «*wickedness*» (4 единицы), прилагательное *wicked* (5 единиц) и наречие *wickedly* (1). Однако данное слово не является ключевым в предисловии и произведении в целом. Оно служит для усиления воздействия на читателя ведущей лексической единицы «*sin*» - грех, которая толкуется как «*breaking of God's law; behaviour that is against the principles of morality*», то есть как нарушение божьих законов, нарушение принципов морали. Слово «*sin*» встречается в предисловии двадцать девять раз, при этом в одном случае корень повторяется три раза в пределах одного словосочетания: «*..when we see sin, sinful sin.*». Подобная избыточность и определенный ритмический рисунок необходимы автору для выражения негодования по поводу происходящего в современной ему Англии.

Второй член оппозиции появляется также в предисловии и является антонимом слова «*bad*». Это прилагательное «*good*», которое при первом появлении выступает определением к существительному «*men*». Как и слово «*bad*», «*good*» обладает несколькими значениями: 1) *having the right or desired qualities, giving satisfaction*; 2) *beneficial, wholesome*; 3) *efficient, competent*; 4) *pleasing, agreeable, advantageous*; 5) *kind, benevolent, willing to help others*; 6) *strong, vigorous*; 7) *reliable, safe, sure*; 8) *well-behaved*; 9) *morally excellent, virtuous*; 10) *right, proper, expedient* и т.д. При переводе указанные значения сохраняются: 1) хороший, испорченный, свежий, здоровый, плодородный (синонимы: *fine, wonderful, splendid, first-rate, worthy, precious, admirable*); 2) достойный добропорядочный, добродетельный; хороший, добрый доброжелательный, милый, любезный (синонимы: *virtuous, righteous*); 3) послушный, благоденственный, хорошего поведения, ведущий себя пристойно (синонимы: *dutiful, obedient, proper, well-mannered, orderly*); 4) искусный, умелый, опытный, квалифицированный (синонимы: *adroit, skillful*); 5) полезный, пригодный, подходящий (синонимы: *beneficial, healthful,*

appropriate, deserving); 6) приятный, милый, веселый (синонимы: pleasant, agreeable, lively); 7) хороший, лучший и т.д.

Прилагательное «good» встречается в предисловии один раз: «Good men count him no loss to the world...» (Добродетельные люди не считали, что он является утратой для этого мира...), однако, противопоставляя мистера Бэдмена «хорошим», «добродетельным» людям автор подчеркивает абсолютно негативную природу своего героя.

Указанная оппозиция разворачивается непосредственно в повествовании о жизненном пути Бэдмена. Повесть написана в форме диалога мистера Мудрого (Mr. Wiseman) и Мистера Внимательного (Mr. Attentive), имена которых заключают в себе положительную характеристику. Wise (Мудрый) трактуется как having or showing experience, knowledge, good judgment, prudence, etc. Данное слово также многозначно: 1) мудрый, умудренный; 2) благоразумный, разумный (синонимы: reasonable); 3) знающий, компетентный, осведомленный, сведущий (синонимы: knowledgeable, informed). Attentive определяется как giving or paying act of directing one's thoughts to something и переводится как внимательный, заботливый, вежливый, предупредительный.

Таким образом, имена двух главных героев «Жизни и смерти мистера Бэдмена» несут на себе большую смысловую нагрузку: Мистер Мудрый, в отличие от Мистера Мирская мудрость из «Пути паломника», – носитель светской и религиозной мудрости, так как воспитан в русле пуританской этики. Внимательный, новообращенный, довольно молод и ничего не смыслит в природе грехов и человеческих поступков, кроме того, ему еще многое нужно узнать, чтобы понять скрытый смысл библейских текстов. Их позиции в разговоре изначально не равны. Молодой христианин Внимательный должен слушать и получать знания, в то время как старший и мудрый ведет беседу и поучает.

Беседа концентрируется вокруг смерти и предшествующей жизни главного героя, отрицательное содержание которых заключено в лексемах «bad», «badness», «sin», «sinner», «damned». Характерно, что уже в третьем абзаце повествования обнаруживается первая из указанных лексических единиц, которая выступает в атрибутивной функции к существительным «men» и «times»: «Why I think as you say, to wit, that they are bad times and bad they will be until men are better, for they are bad men that make bad times...» (Ты хочешь узнать, что сейчас настали плохие времена, и в лучшую сторону они не изменятся до тех пор, пока люди не перестанут быть плохими, так как именно плохие люди создают плохие времена). Это философское рассуждение требует противопоставления, и потому здесь же появляется антоним «bad» - прилагательное «good»: «It is a folly to look for good days so long as sin so high...» (Глупо ждать наступления благоприятных дней, пока люди грешат). Далее антонимичная пара «good» и «bad» появляются в пределах как одного предложения, так и одного абзаца, усиливая контраст богоугодного образа жизни и греховного существования.

Негативность последнего усиливается словом «damned», которое встречается в тексте однократно на каждой странице. Значение данного слова опреде-

ляется как «condemned to everlasting punishment», переводится как осужденный, проклятый, треклятый, отвратительный, чертовский. При этом данная лексическая единица выступает как определение к существительному, как правило, это люди, человек, а также как субстантивированное прилагательное «the damned» в значении «души горящие в аду». Используя в пределах одного абзаца субстантивированное прилагательное «ungodly» (not religious, not giving reference to God, sinful), переводимое как «неверующий, безбожный, нечестивый», автор показывает природу грешника и возможное наказание в потусторонней жизни.

Противопоставлены нечестивцам и грешникам праведники (godly-однокорневой антоним ungodly), которые достойны рая (Heaven) и которые не заражены врожденной порочностью (original corruption). Рай (Heaven) и ад (hell) являются разнокорневыми антонимами, и их значение определяется как «home of God and the saints» и «place of punishment after death». Слово «hell» встречается в тексте в три раза чаще, чем слово «Heaven», что легко объясняется концепцией произведения. Автор делает упор на раскрытие содержания понятия «неблагочестивая жизнь», «жизнь в грехе», которая характеризуется доминантой синонимичного ряда «плохой».

Расширяя оппозицию «хороший – плохой», автор искусно уравнивает ее стороны, и это удается осуществить в пределах одного предложения, например: «But if God's threatening of liars with hell-fire, and with the loss of the kingdom of heaven, will not prevail with them to leave off to lie and make lies, it cannot be imagined that a relation of temporal judgments that have swept liars out of the world heretofore, should do it» (Но если божественное предупреждение о том, что лжецы не попадут в рай и будут гореть в адском огне, не отвратит их от лжи, едва ли временное порицание, которое действовало на лгунов раньше, может помочь сейчас). В пределах одного предложения рай противопоставляется аду, при этом лжецы однозначно причисляются к неблагочестивым (ungodly) и, следовательно, порочным, плохим (bad), то есть автор выводит читателя к оппозиции, заявленной в начале произведения.

Противопоставление положительных и отрицательных сторон человеческой жизни завершается привлечением образов центральных фигур мировоззрения любого человека, жившего в эпоху Беньяна, - Бога и Сатаны. Значение слова «God» определяется как «creator and ruler of the universe», «Satan» – «the Evil one, the Devil». В тексте повести каждая из указанных лексических единиц имеет синоним, God – Lord, Satan – Devil, при этом Lord трактуется как «God, Christ», а devil как «the supreme spirit of evil, Satan». В тексте эти синонимы равноправны и используются автором для подтверждения определенных сентенций о происхождении греха и в конкретных примерах, взятых из жизни главного персонажа.

Таким образом, необходимо отметить, что именно на оппозиции «плохой - хороший» строится сюжет и композиция произведения. Абстрактные понятия «хорошо» и «плохо» конкретизируются при помощи синонимических рядов, которые имеют следующий вид: bad – wicked, sinful, ungodly, hellish, devilish, damned; good – wise, godly, heavenly. Преобладание лексических единиц с негативной стилистической окраской объясняется стремлением автора предупре-

доть читательскую аудиторию о последствиях неблагочестивого образа жизни, который вел главный герой.

Матяш С.А. Об организации преподавания русской и зарубежной литературы на факультете филологии ОГУ

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Как известно, наступивший 2007 год объявлен президентом России В.В.Путиным «Годом русского языка». В этой акции очевидна политическая воля руководителя, адекватно отреагировавшего на многочисленные выступления в средствах массовой информации педагогов, писателей, ученых, книгоиздателей, политических деятелей, забивших тревогу по поводу неуклонного снижения у россиян интереса к чтению высокохудожественной литературы, следствием чего явилось катастрофическое падение языковой культуры. Исправить положение предстоит всем миром: нужны усилия многих и разных профессионалов. Понятно, что в этой связи большая ответственность за выход из создавшегося положения ложится на классические университеты, сам статус которых обязывает их быть носителями и проводниками языковой культуры. О значении последней для университетского образования говорил 3 ноября 2006г. ректор Оренбургского государственного университета (ОГУ) профессор В.П.Ковалевский, отметивший в своем приветственном слове, обращенном к участникам Всероссийской научно-практической конференции «Филологические чтения», что «ныне растет значение и роль людей, наделенных не только элементарной грамотностью, но и обладающих общей языковой культурой» [1,с.3]. Ректором университета дана положительная оценка «филологической составляющей» ОГУ, делающей «наш университет, действительно, классическим» [1,с.3]. Полностью принимая эту оценку, считаем, тем не менее, необходимым высказать ряд соображений по возможным перспективам сделать «филологическую составляющую» более эффективной.

Прежде всего следует уточнить состав самой «филологической составляющей». Применительно к предмету нашего доклада уместно справедливое высказывание декана филологического факультета МГУ профессора М.Л.Ремневой: «Именно любовь к слову объединяет преподавателей и исследователей языков и литератур в их современном состоянии и историческом развитии <... >» [2]. Обратим внимание на то, что М.Л.Ремнева говорит об объединении, т.е. единстве, но не тождестве. В хорошо известной нам практике российского вузовского образования (в частности, в практике университетов, которые являются для нас часто примером, – в МГУ, СпбГУ, УрГУ) языки преподаются и исследуются на одних кафедрах, а литературы – на других. В Российской Федерации нет ни одного университета, кроме ОГУ, где бы не было кафедры литературы (с распространенными названиями: «кафедра русской и зарубежной литературы», «кафедра теории и истории литературы»). В ОГУ дисциплины литературоведческого блока («Теория литературы», «История отечественной литературы», «История зарубежной литературы») есть в учебных планах трех факультетов (филологии, журналистики, гуманитарных и социальных наук), однако кафедры литературы в ОГУ до сих пор нет. Литературоведческие дисциплины на-

ходятся в структуре разных кафедр. Это положение, на наш взгляд, не может не сказаться на качестве преподавания литературы, на уровне исследовательской деятельности, а в нынешних реалиях мешает консолидации усилий ученых по пропаганде чтения среди студентов и жителей региона —необходимого условия повышения языковой культуры.

В нашем докладе остановимся только на дискуссионном вопросе: место русской и зарубежной литературы в подготовке специалиста по зарубежной филологии (специальность 021700- Филология). Совершенно очевидно, что в связи с объявлением 2007 года «Годом русского языка» особенно пристального внимания заслуживает состояние изучения русской литературы. В учебном плане этой специальности отведено 34 аудиторных часа на дисциплину «Введение в литературоведение» (1-ый семестр) и 51 час на «Историю отечественной литературы» (1-ый семестр). Для сравнения укажем, что на «Историю зарубежной литературы» отводится 272 аудиторных часа (с 1 по 8 семестры). То, что «История зарубежной литературы» изучается 8 семестров, возражения не вызывает. Вызывает решительное возражение мизерное количество часов на русскую литературу и тот факт, что она изучается не параллельно с зарубежной литературой в течение нескольких семестров, как во всех университетах страны (см., например, опубликованные учебные планы кафедры истории русской литературы СПбГУ [3]). По мнению разработчиков учебного плана специальности 021700 - Филология («Зарубежная филология»), одной из причин сокращения часов на русскую литературу является увеличение в ОГУ количества изучаемых иностранных языков. Государственный стандарт (ГОС) специальности предусматривает два обязательных иностранных языка; последующие изучаются факультативно, за дополнительную плату (во всяком случае о подобной практике в МГУ рассказывает М.Л.Ремнева [2]). Наш вуз бесплатно учит трем иностранным языкам. Охотно соглашаемся, что в таком решении вопроса, безусловно, есть свои резоны прагматического плана, продиктованные условиями рынка образовательных услуг. Однако подобное решение проблемы обучения иностранным языкам за счет практической ликвидации изучения русской литературы, на наш взгляд, имеет и серьезные издержки, как профессионального, так и морально-политического плана. Надеемся на плодотворную дискуссию по этому вопросу в дни проведения конференции.

Наше принципиальное несогласие вызывает подход руководства факультета филологии и к изучению дисциплины «История зарубежной литературы». Дело в том, что в ГОС по специальности 021700- Филология значатся две дисциплины, касающиеся зарубежной литературы: «История зарубежной литературы» и «Литература страны изучаемого языка». Насколько известно, в институтах иностранных языков изучается вторая дисциплина, в классических университетах – первая (или обе). На факультете филологии ОГУ сложилась практика эти две дисциплины структурно и содержательно объединять в одну: в учебном плане значится первая дисциплина, но преподается она как вторая, т.е. значится «История зарубежной литературы» («Литература страны изучаемого языка» вообще отсутствует в плане), но читается курс как последовательный набор двух-трех национальных литератур. К преподаванию дисциплины, именуемой «Ис-

тория зарубежной литературы», привлечены преподаватели трех кафедр: «Английской филологии и МПАЯ», «Немецкой филологии и МПНЯ», «Романской филологии и МПФЯ». Такая постановка вопроса об эффективности преподавания зарубежной литературы представляется ошибочной. Две названные дисциплины имеют разные цели и разное содержание. Цель курса «История зарубежной литературы» - сформировать у студентов университета (или других вузов гуманитарного профиля) целостное представление «о литературе Европы от античности до наших дней и фрагментарное представление о литературах других регионов мира» [4, с.5]. Итогом изучения дисциплины должно стать отчетливое представление об основных этапах развития мирового литературного процесса. «История зарубежной литературы» читается по периодам, в каждом из которых выделяются свои национальные доминанты (например, в период Возрождения центральное место принадлежит итальянской литературе). Программы по «Истории зарубежной литературы» российских университетов системно включают вопросы о связях зарубежной и русской литературы, что возвращает нас к сформулированному выше тезису о необходимости расширения и углубления у «зарубежных филологов» знаний по отечественной литературе, что будет способствовать и обогащению их языковой культуры. В «Год русского языка» подчеркнем общеизвестную истину: курс «Истории зарубежной литературы» в российских вузах читается на русском языке. «Литература страны изучаемого языка» может читаться и на русском языке и на изучаемом иностранном – в зависимости от степени владения последним преподавателем и студентами. Эта дисциплина, направленная на углубленное изучение одной национальной литературы, должна увязываться со страноведением и историей изучаемого языка. В силу этого дисциплина «Литература страны изучаемого языка» может быть и на кафедре литературы, и на специальных языковых («филологических») кафедрах (по решению факультета). Дисциплина «История зарубежной литературы» должна обрести прочное место на кафедре литературы. Таким образом, 2007 год – «Год русского языка» с метким добавлением «Литературной газеты» – «Год чтения» [5] - должен, на наш взгляд, ознаменоваться созданием в ОГУ кафедры литературы.

Литература

1 Ковалевский В.П. Приветственное слово ректора Оренбургского государственного университета // Филологические чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Оренбург, : ИПК ГОУ ОГУ, 2006.- С.3-4.

2 Ремнева М.Л. Филологический факультет МГУ // <http://www.philol.msu.ru>

3 Кафедра истории русской литературы: Учеб. программы: СПб.: СпбГУ, 2000. – 420с.

4 История зарубежной литературы: Программы дисциплин предметной подготовки. М.: Флинта- Наука, 2001. – 202с.

5 Литературная газета, 2006, №52, - С.1.

Нагорнова Е. В. Особенности выбора лексических единиц и художественных приемов при описании природы и местности в литературных произведениях начала 18 века (на примере «путевых писем» М. Монэрю)

ОГТИ (филиал) ОГУ ГОУ, Орск

Несмотря на разнообразие клише при описании природы и местности в жанрах пасторали, в прозаической литературе долгое время о пейзаже было достаточно заметить, что он «приятен» или «неприятен». Большой наглядности, как правило, не требовалось. Могли быть добавлены несколько традиционных эпитетов, которые раз и навсегда приклеивались к какой-нибудь подробности пейзажа. Пейзажи отличались скупостью красок и лаконизмом чисто зрительных деталей. У ранних просветителей присутствовали «графичность» изображения, при которой, по словам К. Пигарева, «...краска изредка применяется лишь в качестве подцветки»¹. Понадобились века, прежде чем, оттолкнувшись от несложной гаммы красок Гомера, художник расширил многообразие чистых тонов. Со временем писатели научились различать не просто зеленый или бледную зелень молодой листвы, а стремились запечатлеть в слове тончайшие изменения цвета и света. И это притом, что в самом английском языке так и осталось только одно слово «green» для всевозможных оттенков зеленого.

Так на страницах уникальных писем Мэри Монтэрю, написанных во время ее путешествия в Турцию в 1816-1817 гг., встречаются очень интересные и своеобразные пейзажные зарисовки. Это и картины природы, и сельской местности, и города. Читая их, мы рисуем вполне четкую, живописную картину, ясно представляем себе все описанные объекты, чувствуем настроение художника и проникаемся тем же чувством. Но проведение словесного анализа почти сотни страниц «Путевых писем» показывает, что отнюдь не красками художнику удалось достичь такого совершенства в описании. Здесь названия цветов и оттенков в общей сложности встречается только десять раз. Из них белый (white) цвет используется пять раз, золотой (gold) – два раза, зеленый (green) – два раза и красный (red) – один раз. И все это при том, что практически в каждом письме героиня-путешественница не просто упоминает, но заостряет особое внимание на описании увиденных садов, окружающих ландшафтов, городов и сельской местности. Встает вопрос, что же способствует созданию живописных ландшафтов, какими другими средствами и материалами пользовался художник.

Рассмотрим пример одного из таких описаний. Это письмо, адресованное А. Поупу из Адрианополя, датированное 1 апреля 1717 года («To Mr. P_[Pope]», Adrianople, April 1, O.S. [1717]): «My garden is full of tall cypress-trees, upon the brunches of which several couple of true turtles are saying

¹ Пигарев К. Русская литература и изобразительное искусство. – М.: Наука, 1972. – С. 23.

soft things to one another from morning till night. How naturally do boughs and vows come into my head at this minute! And must not you confess, to my praise, that 'tis more than ordinary discretion that can resist the wicked suggestions of poetry, in a place where truth, for once, furnishes all the ideas of pastoral?»² (В моем саду много кипарисов, на ветвях которых влюбленная парочка горлиц нежно воркуют друг с другом с утра до вечера. Как естественно шелест ветвей, и слова молитвы всплывают в моей памяти в эту минуту! И ты не можешь не признаться и не польстить мне, что здесь нечто большее, чем просто свобода выбора противостоит нашей безнравственной поэзии. Здесь, в виде исключения, картины естественной жизни могут быть заимствованы пасторалью).

Каковы же объекты описания? Это сад (garden), высокие кипарисы (tall cypress-trees), ветви (branches), влюбленная пара горлиц (several couple of true turtles), тихое нежное воркование (are saying soft things), шелест ветвей (how naturally do boughs), молитвы (vows), поэзия (poetry), пасторальная поэзия (pastoral). Такой набор объектов пейзажа считается чрезмерно богатым для прозаического произведения данного времени. В нем присутствуют не только зрительные объекты, но и слуховые, и даже обонятельные. Но особенно интересным является то, что героиня приводит другие примеры и ассоциации, сравнения и противопоставления, чтобы усилить восприятия, выразить яснее и точнее, то, что ей хочется донести до читателей писем. В отличие от художника, который захотел бы перемешать все краски для создания необходимого цвета или оттенка, Монтэгю прибегает к подбору слов, точнее их значений. Слово – вот ее материал, значения слов, их сочетаемость друг с другом – это ее палитра. Художник владеет искусством цвета, а писатель должен владеть искусством слова. Пейзажи Монтэгю в полной мере представляют собой пример важности именно самих объектов описания и тех чувств, переживаний, которые они рождают в душе.

«Путевые письма» М. Монтэгю «открывают» пейзаж в современном его понимании. Вслед за Монтэгю писатели стали привлекать изображение природных ландшафтов в произведениях не только с целью упоминания места и времени действия, но и подробного описания видов природы, имеющих самостоятельную ценность. Пейзаж стал дополнять и образ героя, и самого автора, и ситуацию. Из внешней детали он превращается в психологическую, помогающую изобразить внутренний мир человека. В таком пейзаже важны не точность и подробность воспроизведения окружающего, а эмоциональность, экспрессивность и индивидуальность чувств и мыслей художника. Определяющим началом лирических пейзажей Монтэгю становится чувство, стремление соотнести окружающую природу со своим душевным состоянием.

² The letters and works of Lady Mary Wortley Montagu / ed. by her great-grandson, Lord Wharncliffe. Third additions and corrections derived from the original manuscripts, illustrative notes and a new memoir by W. Thomas. – L.: Bickers and Son, 1893. – V. 1. – P. 301.

Это приводит к использованию широкой палитры эпитетов при описании любой местности: *fine* (красивый, прекрасный, отличный), *perfectly delightful* (восхитительный), *delicious* (восхитительный, прелестный), *splendid* (великолепный, роскошный, замечательный, прекрасный), *gay* (веселый, яркий), *most beautiful* (красивейший), *charmingly diversified with wood* (очаровательно дополненный лесом), *so surprisingly neat* (так удивительно опрятный, стройный, изящный), *handsome* (красивый, привлекательный). Они помогают создать соответствующее настроение у читателя. С другой стороны, подобные зарисовки способствуют лучшему раскрытию душевного состояния самой героини–путешественницы.

В начале XVIII столетия в пейзаже поражало очень малое, то есть несколько оттенков, широта и детальность обзора ландшафта. Особое внимание уделялось общему виду открывающейся местности и климатическим характеристикам. В связи с особенностями климата отмечалось разнообразие флоры и фауны. Также выделялись те детали, которые могли наложить определенное влияние на формирование человека, его жизненный уклад, характер, интересы, склонности. По словам Е. И. Савостьянова, это «скромный успех на искушенный вкус современного читателя, избалованного куда более проникновенным изображением красок природы»³. Однако по тем временам это действительно было важным новшеством, которое указало художнику характер его дальнейших поисков и открытий «предметного мира».

Применительно к живописи и графике этот принцип изображения общего вида открывающейся местности получил название перспективно-панорамного. Он был характерен для изобразительного искусства классицизма, но в литературе действовал довольно долго независимо от художественных направлений, главенствующих в данную эпоху. В качестве определяющих признаков этого принципа можно назвать широкий охват изображаемой действительности, описательность содержания, стройность композиции, часто тяготеющей к симметричности, четкое деление планов, набор определенных слов: «там», «здесь», «справа», «слева», «между», «вдали» и др. Это своего рода документально–конкретное описание местности. Художник стремился как можно точнее, но в то же время без излишних деталей, изобразить открывшийся ему вид.

Вообще, описание как свойство мышления многократно подвергалось эстетическому осуждению. «Говоря грубо, описание природы в старых романах, которые мы, двигаясь в определенной литературной схеме, были бы склонны сводить к роли служебной, к роли спайки или торможения (а, значит, почти пропускать), двигаясь к другой литературной системе, были бы склонны считать главным, доминирующим элементом, потому что, возможно и такое положение, что фабула являлась только мотивировкой, поводом к развертыванию статистических описаний»⁴. Ю. Н. Тынянов гово-

³ Савостьянов В. И. Изобразительность и выразительность в искусстве. – М.: Изобр. искусство, 1970. – С. 155.

⁴ Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – С. 224.

рит о романе, но его мысль верна для материала любого жанра, любой формы, в которой описательный момент подчиняет себе строение целого. В начале XVIII века описательность в сочетании с точностью и наблюдательностью – чертами просветительского пристрастия к факту – играет отнюдь не отрицательную роль. Напротив, во многих жанрах, таких, как роман, эссе, письмо, дневник, путевой очерк, авторы использовали этот стиль в дополнение к другим. Но как основной описательный стиль остался в эпохе классицизма. А в эпоху Просвещения из произведений искусства со временем уходит симметрия, нарушается связь с преобладавшей тенденцией к правильным формам, что можно проследить на примере садово-парковых ландшафтов.

На смену описательности приходит изображение чувств, впечатлений. Между наблюдаемой природой и наблюдающим художником, героем или просто повествователем существует определенное расстояние. Такие пейзажи особенно характерны для жанров путешествия, где герою, движущемуся по определенному маршруту, постоянно открываются новые виды. И для того, чтобы познакомить читателя с дальнейшими событиями, автор в образе главного героя или повествователя изображает то место, где и будут разворачиваться события. С дальнейшим развитием и усложнением пейзажа как элемента произведения такие панорамные изображения местности исчезают, точнее, им отводятся другие функции. Место же может описываться буквально несколькими строчками, или же изображение окружающей природы совсем отсутствует, но по поведению героев, возникающим у них чувствам возможно мысленно нарисовать себе обстановку действия и пейзаж. Но чаще всего пейзаж начинает привлекаться для изображения внутреннего мира и состояния героя, становясь одним из основных сюжетных элементов произведения.

Овчинникова Л. П. Роль латинских заимствований в истории английского языка

Оренбургский государственный университет, Оренбург

Проблема языковых контактов и заимствований, в частности, не одно десятилетие привлекает как отечественных, так и зарубежных специалистов. Тем не менее, она не потеряла своей актуальности. Прежде всего, отметим, что заимствование – это иноязычный языковой элемент, который перенимается носителями одного языка у носителей другого языка в процессе языкового взаимодействия, которое может носить как устный, так и письменный характер. Языковеды классифицируют заимствованные слова по источнику заимствования, по форме, а также по степени ассимиляции в языке. Последний аспект интересен тем, что заимствования, входящие в общее употребление на определенном историческом этапе, подчиняются словообразовательным, грамматическим и фонетическим законам заимствовавшего языка и часто становятся неотличимыми от исконных слов. Таким образом, анализ иноязычных заимствований, требует дифференцированного подхода ввиду особенностей коммуникативной значимости и степени ассимиляции последних.

Заимствования играют важную роль в пополнении словарного состава языка. В английском языке они представляют собой ту сферу лексики, которая непосредственно связана с историей английского народа. Латинский язык оказал наибольшее влияние на формирование лексического состава английского языка. По подсчетам ученых, из 20 тыс. слов, включенных Скитом в его этимологический словарь, 2880 были заимствованы непосредственно из латинского языка. Также было подсчитано, что из 240 165 слов, помещенных в Oxford English Dictionary, около половины относятся к «ученым» словам, большинство которых пришли в английский язык непосредственно из латинского языка. При этом, как известно, колоссальное число латинизмов пришло в английский язык из французского языка [6, с. 169].

Рассмотрим влияние латинского языка на лексический состав современного английского языка на примере латинских заимствований, которые ассимилировались в английском языке в течение трех этапов его исторического развития.

Данной проблеме посвящены многие научные работы. Однако большинство лингвистов, такие как И. В. Арнольд, Б. А. Ильиш, А. И. Смирницкий, как правило, уделяют основное внимание древнеанглийскому периоду ввиду ряда экстралингвистических и лингвистических причин. Именно поэтому одной из основных задач данного исследования стало рассмотрение латинских заимствований по степени ассимиляции и в плане семантики на всех этапах исторического развития английского языка. Мы рассмотрим особенности заимствования латинских слов в диахроническом

аспекте, который позволяет судить о развитии лексического состава английского языка на протяжении всей его истории.

Рассматривая иноязычные элементы с точки зрения их формы, можно выделить: - полные заимствования («иностранные слова») – заимствования, которые сохранили исходную внешнюю форму и содержание в чуждой для них языковой среде: *formula* – формула, *datum* – данная величина, *corpus* – свод (законов), *antenna* – антенна, *medium* – середина.

- Относительные заимствования, которые в процессе ассимиляции полностью или частично утратили смысловую связь со своими прототипами в исходном языке: *omnibus* [от лат. *omnis* - весь, всякий] – омнибус; автобус; объемный сборник, однотомник (в дешевом издании).

Анализируя заимствования по степени ассимиляции в языке, различаются иноязычные элементы, которые полностью ассимилировались в языке, т. е. которые по языковому статусу ничем не отличаются от исконных английских слов, такие как *to accept* – принимать, *candle* – свеча, *to collect* – собирать, *service* – служба, *letter* – буква, *nature* – природа, *army* – армия, *university* – университет, а также частично ассимилированные специализированные заимствования, к которым относятся многочисленные латинские термины: *larva* – личинка; головастик, *serum* - сыворотка, *sequela* – последствие, осложнение (болезни), *abdomen* – брюшная полость; живот, *fistula* – фистула, свищ. Сфера употребления подобных заимствований ограничена ввиду их стилистической или терминологической окраски.

Большинство лингвистов выделяет также «слова местного колорита» или «реалии», которые отражают специфику реалий конкретной страны и употребляются, как правило, при описании специфических особенностей той или иной страны.

Необходимо упомянуть и морфемные заимствования – лексические единицы, созданные по правилам английского словообразования на основе иноязычных морфем: *phonograph* [из греч. *phonē* - звук и *graphēin* - писать]; *telephone* [из греч. *tēle* - далеко и *phonē* - звук].

Существуют различные классификации латинских заимствований древнеанглийского языка. Такие ученые, как Б. А. Ильиш, И. В. Арнольд, А. И. Смирницкий выделяют в лексическом составе древнеанглийского языка два слоя латинских заимствований. Однако Т. А. Расторгуева выделяет еще один – третий слой латинских заимствований. Первый слой связан с таким историческим фактом, как завоевание кельтской Британии римлянами, чей язык и культура за четыре столетия оказали существенное влияние на развитие языка древних британцев (середина I в. до н. э. – начало V в. н. э.).

Римляне принесли с собой более высокую материальную культуру, и позднее англосаксы стали активно перенимать лексику, которая не была им известна ранее. Таким образом, часть слов латинского происхождения попала в английский язык через язык романизированных кельтов. Например, слова, связанные с военным делом и строительной техникой древних

римлян, следы которой древние германские племена обнаружили на острове:

Латинское слово

strāta via – мощеная дорога

turris – башня (осадная)

В большом количестве латинские названия сохранились в топонимике: Латинское слово

castra – крепость (chester)

Древнеанглийское слово

stræt – улица

torr – башня

Древнеанглийское слово

Lancaster – Ланкастер

Manchester – Манчестер

Считается, что многие латинские заимствования ассимилировались в языках германских племен еще до их переселения на территорию Британии. Этот факт объясняется торговыми отношениями, которые связывали древних германцев с римлянами еще на континенте. Германские племена активно перенимали лексику, связанную с торговлей. В древнеанглийский язык были заимствованы различные названия продуктов питания. Некоторые слова латинского происхождения получили широкое употребление в сфере быта (I в. до н. э. – середина V в. н. э.):

Латинское слово

monēta – чеканные деньги

caseus – сыр

vīnum – вино

cupra – бокал, чаша

Древнеанглийское слово

mynet – деньги

cīese – сыр

wīn – вино

cupre – чаша, кубок

Новый приток латинских заимствований связан с христианизацией Британии и приходится на конец VI века. Большую часть заимствований этого периода составляют религиозные понятия и так называемые «ученые слова», отражающие влияние римской культуры. В этот период в английский язык также вошли слова, относящиеся к самым разнообразным понятиям сфер: названия предметов повседневного обихода, названия овощей, растений, некоторые сельскохозяйственные термины, названия новых строительных материалов:

Латинское слово

monachus – монах

templum – храм

magister – учитель

schola – досуг (позднее школа, занятия)

beta – свекла

mentha – мята

pipor – перец

Древнеанглийское слово

munuc – монах

tempel – храм

mæester – учитель

scōl – школа

bēte – свекла

minte – мята

pipor – перец

Таким образом, латинские заимствования проникали в древнеанглийский язык как устным, так и «книжным путем». На первом этапе исторического развития английского языка существовали конкретные условия, делавшие возможным непосредственное общение двух различных народностей. Германские племена активно перенимали понятия, обозначающие неизвестные для них предметы и явления. Все эти простые по форме слова рано во-

шли в общее употребление. Они полностью ассимилировались, обогатив лексический запас английского языка.

Позднее, на первый план выступает так называемый «книжный путь», когда латинская терминология в виде религиозных понятий и «ученых слов», заимствовалась из латинских текстов, которые переводились на английский язык.

Влияние латинского языка также проявилось в так называемом «калькировании» слов. При калькировании иноязычное слово или выражение переводится по частям средствами заимствующего языка. В древнеанглийский язык наряду с полными заимствованиями вошли и некоторые слова, которые были созданы по латинскому образцу:

Латинское слово

Lunae dies

patriarchus

Древнеанглийское слово

Mōnan-dæg – понедельник

(Луны день)

hēah-fæder – патриарх

(букв. высший отец)

Историческая обусловленность латинских заимствований средне- и новоанглийского периодов объясняется, прежде всего, норманнским завоеванием, возросшим интересом к памятникам античной культуры в эпоху Возрождения, а также ролью латинского языка как такового, который получает широкое распространение не только как язык церкви, но и как язык науки и культуры. Вплоть до середины XX в. он являлся языком католической церкви и официальным языком Ватикана. Свое значение как международный язык науки и дипломатии латинский язык сохранял до первой половины XIX в. Именно поэтому, латинизмы заимствуются в основном «книжным» путем из многочисленных работ по классической латыни. В плане тематики – это, прежде всего, абстрактные существительные и многочисленные термины, которые во многих случаях принадлежат к сфере интернациональной лексики. Большинство отглагольных существительных представляют собой относительные заимствования:

- Латинские заимствования среднеанглийского периода: act – дело, поступок, to include - включать, individual – личный, индивидуальный, literature - литература, necessary – необходимый, нужный, picture - картина, state - государство, sufficient - достаточный, territory – территория, земля, to testify – давать показания, клятвенно утверждать.

- Латинские заимствования новоанглийского периода: area – площадь, пространство, education – воспитание, образование, electric - электрический, to dictate - диктовать, function – функция, назначение, obvious – очевидный, явный, to operate – работать, действовать, pressure - давление, reason – причина, повод, real – действительный, настоящий, to reform – реформировать, преобразовывать, success – успех, удача, urban - городской.

Необходимо также отметить роль калькирования в средне- и новоанглийский периоды. Лексический состав английского языка обогатился новыми словами, которые были созданы по латинскому образцу, однако в плане семантики они качественно отличаются от калек древнеанглийского пе-

риода. Если на ранних этапах развития языка калькировались преимущественно слова, носившие устный характер (названия дней недели, слова церковного обихода), то в новый период заимствования такого рода носят книжный характер, отражая влияние письменной классической латыни (названия членов предложения, части речи, многочисленные абстрактные существительные, относящиеся к различным понятийным сферам): *agricultura* – земледелие, *insectum* – насекомое, *subjectum* – подлежащее, *substantivum* – существительное.

Влияние латинского языка нашло отражение и в морфологическом составе английского языка. В средне- и новоанглийский периоды английская морфология пополнилась рядом латинских аффиксов, некоторые из которых получили широкое распространение в английском языке, сочетаясь как с иноязычными, так и с английскими основами:

- *-or* (лат. *-or*): *actor* – актер, *conductor* – кондуктор, проводник, *director* – руководитель, директор, *operator* – телефонист, телеграфист, *translator* – переводчик, *victor* – победитель.
- *dis-* (лат. *dis-*): *to disagree* – не совпадать, не соответствовать, *to disclose* – разоблачать, раскрывать, *to disarm* – обезоруживать, *to dispose* – располагать, размещать, *to disunite* – разделять, разобщать.
- *inter-* (лат. *inter-* «между»): *interchange* – взаимный обмен; чередование, *international* – международный.
- *re-* (лат. *re-* «снова»): *to react* – реагировать, *to reevaluate* – переоценивать, *to reinvest* – повторно вкладывать деньги, *to rewrite* – переписывать.
- *-ation* (от лат. *-io-n* + суффикс латинского причастия *-t-*): *argumentation* – аргументация; спор, *foundation* – основание, основа, *penetration* – проникновение, *transportation* – перевозка, транспорт.

Таким образом, латинский язык оказал значительное влияние на словарный состав, а также морфологию английского языка в процессе его исторического развития. Его можно с полной уверенностью назвать важнейшим иноязычным источником, из которого английский язык постоянно черпал новый лексический материал. Латинские заимствования, многие из которых полностью ассимилировались в новой для них языковой системе, обогатили и разнообразили словарный состав современного английского языка.

Использованная литература:

- 1 Амосова Н. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М.: Изд-во лит-ры на ин. яз., 1956

- 2 Аракин В. Д. История английского языка. – М.: Просвещение, 1985
- 3 Бруннер, Карл История английского языка, т. I М., Изд-во иностр. литературы, 1955
- 4 Лингвистический энциклопедический словарь
- 5 Пизани В. Этимология (История – Проблемы – Метод). – М.: Эдиториал УРСС, 2001
- 6 Расторгуева Т. А. Курс лекций по истории английского языка. Выпуск 1 и 2. Введение. Германские языки. Древнеанглийский язык. М., 1969
- 7 Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., Изд-во лит-ры на ин. яз., 1956
- 8 Webster's third new international dictionary. Philippines copyright by Merriam – Webster, incorporated, 1993

Передельская М.В. Языковая репрезентация фрейма «пунктуальность» в романе Т. Мэлори «Смерть Артура»

Оренбургский государственный университет, г.Оренбург

На современном этапе развития гуманитарного знания ученых интересует то, как язык связан с миром человека, в какой мере человек зависит от языка. «Язык — зеркало окружающего мира».[1;с.3] Действительно, язык является формой отражения окружающей человека действительности и самого себя, средством получения знаний об этой действительности. С другой стороны, язык как идеальная, объективно существующая структура подчиняет себе, организует восприятие мира его носителей. Изучением человека и его взаимодействия с окружающим миром, зафиксированного в сознании (в виде понятий, образов, поведенческих актов) занимается лингвокультурология. Потенциальная задача лингвокультурологии состоит в том, чтобы выразить культурную значимость языковой единицы, которое представляет собой культурные знание, соотнося ее с ценностями той или иной культуры.

Базовой категорией лингвокультурологии является концепт— основная единица, вмещающая в себя язык и культуру в их взаимопроникновении. Изучая концепты той или иной культуры, мы получаем представление о картине мира народа, принадлежащего к данной культуре, т.е. о его знаниях об окружающем мире.

Концепт, имеющий ценностную, образную и понятийную составляющие, может быть смоделирован в виде фрейма. Концепты реализуются, «вербализуются прежде всего с помощью лексем». [2;с.16] Анализируя контексты, в которых фигурируют лексемы, вербализующие исследуемый концепт, можно определить его значимость в той или иной лингвокультуре.

Впервые в отечественной лингвистике термин концепт использует С.А. Аскольдов-Алексеев: «Концепт — есть мысленное образование, которое знаменует нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода...». Степанов определяет концепт как «очеловеченное понятие». Существует много определений концепта. Из определения Масловой следует, что концепт- это ментальное образование, окруженное, эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом. Мы моделируем концепт «пунктуальность» в виде фрейма. Фрейм выступает как структура знаний, описывающих определенный концепт.

Существуют универсальные концепты. Например: пространство, время, число, дружба...Изучение универсального концепта «время» позволяет понять причины возникновения исследуемого в работе концепта «пунктуальность» в языковом сознании. «Время» было «создано» для того, чтобы было «правильно», то есть — соответствовало норме, а значит - соответствовало естественным нормам природы и созданным человеком правилам и законам. Поведение человека в обществе подчиняется нормам, выработанным этим обществом. В каждом языке в эксплицитном (поговорки, пословицы, афоризмы)

либо в имплицитном виде (внутренняя форма слов, переносные значения, коннотация) зафиксированы правила поведения человека, которые отражают устойчивые, долговременные и типичные общественные отношения. Человечество владеет нормами поведения как частью культуры. Они обусловлены целями и идеалами данного общества. Социальные нормы имеют языковое выражение.

Концепт «пунктуальность напрямую связан с универсальным концептом времени и определяется существующими в обществе нормами.

Как полагает Райхштейн А.Д., текст — это “носитель и источник объективной информации о мире, зеркало жизни и культуры народа”. (Райхштейн А.Д. Национально-культурный аспект интеркоммуникации). Поэтому перейдем к анализу отдельного произведения (роман «Смерть Артура»).

Время средневекового человека по преимуществу продолжительное, медленное. При таком неторопливом течении жизни не столь уж существенно месяцем раньше или годом позже происходит то или иное событие. Поэтому он довольно беззаботен в определении точного времени. Он не бережет время. В романе мы находим подтверждение тому, что герои тратят много времени на празднества, турниры, охоту:

And thenne the kyng lete make a **feest** that lasted **eyght dayes**.

Arthur Syre I haue **folowed that best long tyme** / and kyld myne hors / so wold god I had another to folowe my quest / ryte so came one with the kynges hors / and whan the knyght sawe the hors / he prayd the kyng to yeue hym the hors / for I haue **folowed this quest this xij moneth**

Мир не воспринимается в средние века в изменении. Он стабилен и неподвижен в своих основах. На картинах средневековых живописцев нередко последовательные действия изображаются одновременно, в картине совмещается несколько сцен, разделенных временем.

В средние века год расчленялся праздниками, знаменовавшими события из жизни Христа, днями святых. Есть указания на совершения события, что характерно для средневековья, через названия христианских праздников, и различные действия героев соотносятся с ними, как-то выборы короля:

And so they fell oute at that tyme that it was put of tyll **Candelmas** / And thenne alle the barons shold mete there ageyne.

Отчет времени велся по числу недель до Рождества и после и т.д. для основной массы населения главным ориентиром суток был звон церковных колоколов, регулярно призывавших к заутрене и другим службам. В средние века время определяли приблизительно. Поскольку темп жизни и основных занятий людей зависел от природного ритма, то постоянной потребности знать точно, который час, возникнуть не могло, и привычного деления на части дня было вполне достаточно. Основные временные категории средневековья — год, сезон, месяц, день, а не час и тем более минута.

В романе мы находим лингвистические данные того, что люди представляли долготу времени по количеству зим:

Also thow hast layne by my Quene and holden her many **wynters**.

And where hit please yow to saye that I haue holden my lady youre Quene yeres and **wynters**.

В романе нет хронологической последовательности, точных дат, время событий неопределенно, неточно. Лишь в конце мы встречаем точную дату, которая дана опосредованно, через указание на время правление короля. Это указание на точное время является маркером реального времени.

Here is the ende of the deth of Arthur...for this booke was ended the **ix yere of the reygne of kyng Edward the fourth**.

Поскольку темп жизни и основных занятий людей зависел от природного ритма, то постоянной потребности знать точно, который час, возникнуть не могло, и привычного деления на части дня было вполне достаточно. Основные временные категории средневековья —год, сезон, месяц, день, а не час и тем более минута.

В 14-15 вв., т.е. в период позднего средневековья, в силу доминирования христианских воззрений в картине мира средневекового человека его представления о времени несколько изменились в силу идеи историчности. Все события теперь начинают восприниматься в хронологической последовательности, осознается идея поступательного движения вперед. В это время приобретает большое значение купеческое сословие. Жак Ле Гофф противопоставляет времени купца время церкви. Время купца выступает главным источником дохода, так как имеющий деньги предполагает получить прибыль с ожидания оплаты того, кто в данный момент деньгами не располагает. Поэтому среди основных претензий, предъявляемых купцами, фигурирует упрек в том, что их прибыль предполагает наживу на времени. Время унифицируется.

Следует отметить, что появляется такая категория времени как час (хотя в раннем средневековье, как мы уже указывали, основными временными категориями были день, месяц и т.д.):

And ther whyle she rode vnto the lady Ettard / and charged no man to awake hym tyl she came ageyne / Soo **within two houres** she broughte the lady Ettard thyder / and both ladyes fonde hym on slepe. Это свидетельствует о том, что автор, творивший в 15в., т.е. в период Позднего средневековья привносит новые идеи и ценности, описывая события, произошедшие в 5-6 вв., т.е. в период Раннего средневековья.

Мы считаем, что можно говорить о существовании концепта «пунктуальность» в средневековой культуре. Изучение универсального концепта “время” позволяет понять причины возникновения концепта “пунктуальность” в языковом сознании. Концепт “пунктуальность” не зафиксирован отдельной языковой единицей. Прилагательное **punctual**, основанное на латинском слове **punctus** (“point”) начинает функционировать только в позднем среднеанглийском.

В.И. Карасик предлагает рассматривать связанный признак концепта в компонентном выражении как прямой и ассоциируемый (Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс). Прямой связанный признак пунктуальности обнаруживается в лексике, имеющей в словарных дефинициях компоненты со значением **пунктуальный, точный, непунктуальный, неточный** в ка-

честве основных. Ассоциируемый связанный признак точности во времени обнаруживается в лексике, имеющей в словарных дефинициях, элементы, ассоциирующиеся с данным концептом. Ассоциативные признаки рассматриваются в прагматическом аспекте значения, поскольку “отражают связанные со словом культурные представления и традиции, господствующие в данном обществе, практику использования соответствующей вещи и многие другие внеязыковые факторы” (Апресян Ю.Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика).

Рассмотрим языковые средства наполнения исследуемого концепта. На основании мотивирующих контекстов нами были выделены следующие репрезентанты данного концепта в средневековой лингвокультуре: **in haste** —41, **hasty**—13, **speden(sped)**—2, **soden(ly)**—52, **fast(e)**—82, **soone**—54, **tary(make taryenge, without taryenge)**—34, **delay(put in a delay(e)**—7, **put of** —2, **dwelle long**—11, **abyde**—127, **in short tyme**—8, **within long/ grete whyle**—19, **within(lytel) whyle**—68, **more than a/grete paas**—19, **soft paas**—10, **putte in respyte**—2, **in good tyme**—3, , **it is tyme for**—3, предлоги **tyll**—4, **by**—10, **afore**—3—всего 22. Все перечисленные репрезентанты являются лексемами, именно они эксплицируют особенности темпорального восприятия и точности во времени; все они обладают только ассоциативным связанным признаком пунктуальности. Однако автор не мог не наложить на представления и отношения героев представления и отношения своей эпохи, эпохи Позднего средневековья. Люди начинают постепенно более сознательно относиться ко времени, беречь его. На наш взгляд, именно в этот период (период зарождения городской культуры, подъема экономики) можно начинать говорить о пунктуальности, т.е. точности во времени. Более остро ощущается необратимость времени и необходимость поспешить, не тратить времени даром.

И.А. Стернин предполагает, что концепт как единица структурированного знания имеет подвижную полевую структуру и может получить описание в терминах ядра и периферии (Стернин И.А. Общение и культура). К ядру будут относиться прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные наиболее яркие образы; более абстрактные признаки составят периферию концепта. В понятийное ядро мы отнесем следующие репрезентанты: **tary, make taryenge**, его синоним **abyde** и **dwelle long** как синоним **abyde, speden, put of** и его синоним **delay**. К центральной зоне концепта мы также отнесем фразеологизмы **in good tyme on time, it is tyme for/to** и предлоги **afore, tyl** и **by**.

Периферийная зона фрейма представлена лексемами, отражающими ассоциации со скоростью выполнения действий, т.е. “быстро” или “медленно”, а именно: **fast(e) soone** и ее синонимы **in short time** и **within (lytel) whyle** и антоним **in/ within a (grete), (in al) haste, hasty, soden(ly), paas** — a rate of movement [30;c.564] , соответственно **more than a/grete/good paas** — quickly, a **soft paas** — not hurried, **moderate**.

Все найденные нами примеры проявления пунктуальности можно разделить на два аспекта: спешка и медлительность. положительное отношение к спешке наблюдается в следующих ситуациях: помощь сюзерену или обиженным:

...two trusty knyghtes ...wil come and see kyng Arthur and his courte / and so **helpe hym in his warrys** ageynst kyng Claudas. And right **so in alle haste** they were ordeyned to goo two knyghtes **on the message** vnto the two kynges.

доказательство верности и дружбы:

will we drawe **in all hast to preue our worship** and prowesse vpon hym.

стремление к славе, защита чести, выполнение приказа или просьбы, месть врагам, участие в бою; все перечисленные случаи входят, согласно существующим в данном обществе нормам, в понятие “должно”. Отрицательного отношения к спешке было выявлено в случае поспешных выводов и решений.

Что касается промедления, то оно считалось недопустимым в следующих ситуациях: следование предписаниям свыше (выборы короля), проведение войны, угроза гибели войска:

In the meane whyle came one to kyng Lott and told hym/**whyle he taryed there Nero was destroyed and slayne with al his peple**/Allas sayed kyng Lot I am ashamed.

А также страх перед карой Божией. Данные случаи входят в понятие “запрещено”. Противоположное отношение к промедлению наблюдается при следующих обстоятельствах: желание помочь, если по дороге просят о помощи, стремление испросить прощение и загладить свою вину, ожидание врага на честном поле битвы; перечисленные примеры промедления входят в понятие “разрешено”.

Следует отметить, что характерной особенностью концептов той или иной культуры является их неизолированность. В результате исследования мотивирующих контекстов с лексемами, вербализующими концепт пунктуальности, нами была выявлена его ассоциативная связь с концептами “честь”, “верность”, и “война”. Действительно, лексемы, представляющие концепт “пунктуальность” и лексемы, представляющие концепты “честь” (honour, dishonoured), “верность”(feythe, feythfull, feythfullest), “война”(werre, felde, batail, bataille, fyghte, suerd, helme, strokes, speres, armed, men of warre, rewarde) часто встречаются в одних контекстах. Так, Мэлори указывает на то, что этот герой не терпит промедления во время боя:

Thus they were on bothe partyes wel furnysshed and garnysshed of alle maner of thyng that longed to the **werre** / But kyng Arthurs hoost was soo bygge that syr launcelot wold not **abyde** hym in the **felde**

Сделать вывод о соприкосновении данных концептов позволяют синтагматические связи представляющих их лексем. Совместная частая встречаемость перечисленных лексем с наречиями и глаголами, относящимися к понятийному полю пунктуальности, свидетельствует о глубокой связи рассматриваемых концептов в сознании рыцарей.

Использованная литература:

- 1) Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация.- М.: Слово / Slovo, 2000.-264с.
- 2) Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии.М.:Флинта:Наука,2004.-186с.

- 3) Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику.-М.: Флинта:Наука,2004.-296с.
- 4) Лингвистический энциклопедический словарь/ Гл.ред.В.Н. Ярцева.-2-е изд. дополненное.-М.: Большая Российская энциклопедия, 2002.- 709с.
- 5) Аскольдов С. А. Концепт и слово// Русская словесность От теории словесности к структуре текста: Антология. Под ред. проф. В. П. Нерознака.-М.: Academia, 1997. С. 267-279.
- 6) Lakoff G., Johmon M. Philosophy in the Flesh. The embodied mind and its challenge to Western thought. N-Y, 1999.
- 7) Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник.- М.:Изд-во Моск.ун-та, 2004.-544с.
- 8) Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры.-М.:Прогресс, 1984.-298с.
- 9) Леонтьев А.А. Основы психолингвистики.-М.: Смысл, 1997.- 287 с.
- 10) Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс.-М.: Гнозис,2004.-390с.
- 11) Стернин И.А. Общение и культура // Русская разговорная речь как явление городской культуры.-Екатеринбург: Арго, 1996.- С. 13-21.
- 12) Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.- 152с.
- 13) Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Зарубежная лингвистика. III. М.: Издательская группа Прогресс, 1999. С. 303-351.
- 14) Тюрина Г.А. “Фреймовая гипотеза” и проблема организации лексики // Семантика языковых единиц. Доклады V международной конференции. М., 1996.- С.108-110.
- 15) Успенский Б.А. Избранные труды. Том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры.-М.: Изд-во “Гнозис”,1994.-432с.
- 16) Зубкова Я.В. Концепт пунктуальность в немецкой и русской лингвокультурах. [Электронный ресурс]: Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 .-М.: РГБ, 2003 (Из фондов Российской Государственной библиотеки).
- 17) Городецкая Л.А. Культурно обусловленные ритуалы общения: обязательность соблюдения и возможность нарушения // Вестник Московского Университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация №1, 2000.- С. 49-59.
- 18) Бабаева Е.В. Специфика языкового представления социальных норм // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания. - Волгоград, “Колледж”, 2002. С. 167-174.
- 19) Пятнадцатый век индоевропейском литературном развитии. Под ред. А.Д. Михайлова.-М.:ИМЛИ РАН “Наследие”,2001.-339с.
- 20) Пятнадцатый век индоевропейском литературном развитии. Под ред. А.Д. Михайлова.-М.:ИМЛИ РАН “Наследие”,2001.-339с.
- 21) Ле Гофф Ж. Другое Средневековье. Время, труд и культура Запада.- М.:Искусство, 2000.-308с.
- 22) Бахтин М.М. Эпос и роман.-СПб.:Азбука,2000.-304с.

- 23) Райхштейн А.Д. Национально-культурный аспект интеркоммуникации // Иностранные языки в школе.-1986.-С.10-14.
- 24) Мортон А.Л. От Мэлори до Элиота.-М.:Прогресс,1970.-156с.
- 25) Мелетинский Е.М. Средневековый роман. Происхождение и классические формы.-М.:Наука, 1983.-303с.
- 26) Реале Д., Антисери Д. Средневековье. Том 2.-СПб.: ТО ОТК "Петрополис", 1997.-368с.
- 27) Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН, 1992.-330с.
- 28) Апресян Ю.Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика. М.:Школа "Языки русской культуры", 1995.- 472 с.
- 29) Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. - М.: Рус. яз., 1981-1984.-614с.
- 30) Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English language.- N-Y.: Gramercy Books, 1996
- 31) Иллюстрированный словарь английского языка Oxford.- М.:Астрель:АСТ,2002.
- 32) Oxford Advanced Learner's Dictionary.- Oxford.: Oxford University Press, 2000.
- 33) Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Bloomsbury Publishing Plc, 2002.
- 34) Сапронов П.А. Культурология: Курс лекций по теории и истории культуры.-СПб.:СОЮЗ, 1998.-560с.
- 35) Ларионова И.А. Фреймовая модель концепта настоящее в картине мира британцев позднего средневековья. Методические указания.- Оренбург: ГОУ ОГУ, 2005.-32с.
- 36) Morte Dartur [http:// www/htl.umich.edu/cgi/c/cme/cme-idx](http://www.hti.umich.edu/cgi/c/cme/cme-idx)

Рачеева Е.В. Актуальные проблемы американской литературы постмодернизма (по роману Д. Делилло «Мао-П»)

МарГТУ, г. Йошкар-Ола

Согласно точке зрения Л.Г. Андреева, ведущего русского историка литературы, литература второй половины XX века проходила под знаком постмодернизма. Американский культуролог И. Хассан называет постмодернизм крайним проявлением модернизма, полностью порвавшего с традицией и превратившегося в металитературу, а затем и в антилитературу. По его мнению, постмодернизм, отражая нигилистическое мировоззрение, основывается на принципах случайности, прерывности и разрозненности и провозглашает грядущий апокалипсис. В его арсенале главным образом не формы, а антиформы, искажающие реальность, выворачивающие ее наизнанку, - бурлеск, гротеск, пикареска, готика. Если модернизм дегуманизировал искусство, то постмодернизм свидетельствует о «денатурализации планеты и конце человека» [Hassan I. The Postmodern Tern. Essays on Postmodern Theory and Culture. Ohio State Univ. Press, 1987. P. 17, 39.]. Хассан приходит к выводу, что урбанизм, технологизм, дегуманизм, примитивизм, эротизм, антиноминализм, эскпериментализм постепенно трансформировались в хаос, анархию, множественность, фрагментарность, информационный взрыв, компьютеризацию, антиэлитарность, антиавторитарность, энтропию, абсурд, уход в экзистенцию, новый руссоизм, спонтанность, извращенность, контр культуру, дискретность, метафизичность, игру и фантазию. Все это является свидетельством окончательного разрыва со всякой нормативностью, преемственностью и традицией .

XX в. разрушил существовавшие со времен античности представления о целостности мира, гармонии космоса, человека, его сознания и искусства. Как пишет А.Г.Раппопорт, «наука нового времени, взломав эту герметичность, постепенно проторила путь к совершенно ноной концепции открытой формы, прототипом которой можно считать не столько бесконечность вселенной, сколько незавершенность и открытость исторического времени» [Монтаж. Литература, искусство, театр, кино. М., 1988. С. 18, 21]. Эта концепция наложила отпечаток и на отношение постмодернизма к культуре и культурной традиции, которую критик определяет как «радикальную эклектику». Привлечение и взаимодействие различных культурных пластов, их монтаж превращаются в новое средство культурного синтеза, в котором частичное разрушение культурных ценностей сопровождается новой техникой их воспроизведения и реставрации. Такой подход соответствует концепции гетерохронной культуры.

Что касается непосредственно художественной постмодернистской прозы США и ее восприятия современной литературоведческой наукой, то в данном вопросе ситуация складывается далеко не однозначная "Есть все основания считать постмодернизм универсальной категорией в культуре XX века" - таков главный вывод тезисов доклада В.И.Березкиной-Липиной [Березкина- Липина В.И. Американская литература и проблема постмодернизма как глобального состояния

культуры // Тезисы конференции «Американская литература в мировом контексте».-М. 1994.-С.62.].

В.Н.Гущина также развивает данную мысль: "Сейчас в США постмодернизм является господствующим концептуальным направлением в развитии духовной культуры общества в целом [Гущина В.Н. Постмодернизм в американской и российской культуре// Американская литература и Россия.- Тезисы конференции.- М., 1995.-С.62].

Данные утверждения возражений не вызывают до тех пор, пока ученые не обращаются к критическому анализу творчества конкретных писателей и произведений.

Дон Делилло является одним из самых популярных писателей - постмодернистов XX века. Однако Делилло никогда не стремился занять привилегированное положение вне современной культуры, что характерно для модернистской позиции. Наоборот, он погружен в ее мир и, возможно, как ни один другой американский писатель конца двадцатого века, отражает его многоликий облик в своих книгах, в том числе путем имитации дискурса разнообразных культурных пространств — корпоративного бизнеса и профессионального спорта, университетской среды и секретных служб, террористического подполья и рок-музыки, тоталитарных культов и телевидения. Его романы используют жанровые формы (шпионский триллер, научная фантастика, детектив) и язык тех самых культурных форм, которые он подвергает анализу и деконструкции. В результате, в зависимости от собственной позиции, различные интерпретаторы Делилло видят в нем как противника, так и защитника постмодернистской культуры. И то и другое представляется упрощением.

Персонажи романов Делилло являются обычными американцами: программист телевизионной сети, совершающий длительное путешествие в поисках широкоформатной картины («Americana»), игрок футбола в колледже (End Zone, 1972), рок-звезда («Great John's Street», 1973), гений математики («Rathner's Star», 1976)- все они обычные люди, люди из толпы. Это люди, которых мы знаем, но даже не думаем, что они так близко. Во многих отношениях, мы очень схожи, кроме того, они живут с тревогой в душе, которую мы предпочитаем игнорировать.

Романы Делилло «Игроки», «Весы», «Мао II», «Белый Шум» можно отнести к отдельному циклу, который рассказывает нам об ужасах техногенной цивилизации, политических террорах, заговорах.

Автор буквально каталогизирует уродства, беды и нелепости современной цивилизации, представляя собой полный хаос, уже не поддающийся упорядочиванию и неспособный к самоорганизации. Технологический прогресс, информационный бум, рост потребления создали ситуацию, в которой человек стал игрушкой непонятных ему сил и оказался окончательно отчужденным от окружающего мира, не способным ориентироваться в потоке обрушившихся на него фактов и проблем, потерявшим смысл существования. Современный человек в романах Дона Делилло находится под социальным стрессом, чувствуя себя раздавленным тяжёлым грузом множества подлинных навязанных ему проблем современной жизни.

Человек, впервые взявший роман Дона Делилло «Мао II» должен тот час же обратить внимание на обложку книги, где изображена знаменитая работа Энди Уорхола «Мао II», а также серия фотографий: массовый митинг на площади Tiananmen, массовое бракосочетание последователей Единения, давка болельщиков, толпа иранцев, три мальчика в пустыне, один из которых во что-то целится толи пистолетом, толи видеокамерой, разграничивают каждую главу книги.

Роман Дона Делилло «Мао II» включает в себя многие известные легенды и факты. В нём рассказывается о чрезвычайно известном, жаждущем уединения авторе Билле Грее, который, в конце концов покидает свое убежище и вступает в жестокий мир политики, писатель сознательно или бессознательно желающий потрясти мир. В этом романе Делилло ставит на одну ступень значимости писателей и террористов.

«Занятно – романисты и террористы между собой повязаны. На Западе мы превращаемся в знаменитые портреты, а наши книги тем временем теряют способность влиять и предопределять. Много лет назад я думал, что писатель способен что-то изменить хотя бы в культуре. Теперь эту сферу оккупировали ребята с бомбами и автоматами. Они берут штурмом человеческие души – а раньше это делали мы, писатели, пока все поголовно не превратили свое дело в бизнес.» [Делилло Дон. Мао II / Пер. С. Силаковой. – С.73]

Это теория Билла Грэя, но по мне, она примечательна. Речь идет здесь не столько о террористах, сколько о том темном сенсуализме нашей культуры, который отвоевал себе часть повествовательного пространства, традиционно принадлежащего роману. "Мао II" - что-то вроде дебатов о будущем. Книга описывает борьбу за человеческое воображение - борьбу между людьми с ярко выраженной индивидуальностью и безымянной массой, часто оказывающейся аудиторией для террористов и военных диктаторов. Этот роман полнится толпами разных мастей, на улицах и на телеэкранах, полнится революционерами, жертвами и страдальцами. И предлагает вопрос: "Кто тот оратор, что обращается к этим людям?" Обладают ли писатели тем влиянием, что было у них когда-то? Речь идет не о поиске влияния, которое сподвигло бы писателя к творчеству. Что такое влияние? Манера, в которой Кафка или Беккет создали мир, описывающий и дублирующий наш собственный, подтолкнула людей к ощущению окружающего мира как "кафкианского", для этого - вполне реального мира - было создано новое прилагательное. Мировосприятие Кафки отразилось на мире и повлияло на писателей. То, что сила писательского влияния слабеет, было сказано давно и повторялось многожды. Ничего нового в этом нет. Между тем, мрачные, а иногда и ужасные новости о различных бедствиях стали главной темой современной жизни.

Позиция художника, его место в мире, его взаимоотношения с обществом всегда были в центре внимания как мировой, так и американской литературы. Сегодня симуляционный характер культуры постмодерна, ее коммодификация, перенасыщенность зрительными образами, которые делают проблему независимости художника как никогда острой. С помощью многочисленных соблазнов

общество стремится «приручить» художника, обеспечив каждому «пятнадцать минут славы» (по выражению Э. Уорхола). Эклектика и всеядность постмодернистской эстетики ставят под сомнение оригинальность и аутентичность художественного творчества. Зависимость от рекламы, размывание художественных критериев, широкое распространение пастиша, делают все более реальной для художника угрозу раствориться в бессмысленном «белом шуме» (название романа ДеЛилло 1985 года) массовой культуры.

Таким образом, для ДеЛилло выбор художника в современном мире не сводится к бинарной оппозиции: «вне» или «внутри» общества. «Признавая неизбежную вовлеченность художника в культуру постмодерна, и одновременно категорически отвергая любые формы институциональной власти. Воздействуя на мир изнутри, но сохраняя независимость творческой позиции, художник может надеяться, что сумеет отстоять свое место в современной культуре и не уступить его террористу.